УДК 391.9

А. Ю. Майничева [1,2], **Е. И. Глухих** [2]

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: annmaini@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ И СЕВЕРОРУССКИЕ ТРАДИЦИИ В СТРОИТЕЛЬНОМ ДЕЛЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ-АНГАРЦЕВ [*]

Статья посвящена итогам исследований по выявлению особенностей строительного дела русских старожилов-ангарцев в Нижнем Приангарье, проведенных Сибирским этнографическим отрядом ИАЭТ СО РАН. Эта территория является одним из первых регионов русской колонизации Сибири, изначально заселявшихся выходцами с Русского Севера. В настоящее время вопрос фиксации, определения степени сохранности и трансформации традиций их потомками приобретает особую актуальность вследствие физической утраты поселений в ходе экономических преобразований. Система расселения русских старожилов Нижнего Приангарья сохранилась до современности. Расширение зоны освоения территории шло за счет имевших северорусские корни близкородственных групп, которые отселялись в новые места. Расположение поселений было гнездовым прибрежным и островным, традиционным для Русского Севера. Жители сел из числа старожильческого населения (ангарцев-кежмарей) осознают свою идентичность как русские, объединенные проживанием на р. Ангара и многовековыми родственными связями. Вследствие отдаленности и трудной доступности многих районов Приангарья в культуре русских ангарцев в большой степени были законсервированы традиции домостроения, принесенные из мест выхода. Вместе с тем в приемах возведения зданий, типах домов, хозяйственных постройках наблюдаются как северорусские традиции, так и элементы традиций других территорий, а также модернизационных процессов. Строительное дело ангарцев является ярким примером одного из реализованных вариантов развития северорусских традиций в условиях Сибири.

Ключевые слова: русские в Сибири, Нижнее Приангарье, строительное дело, северорусские традиции, домостроение, жилище, усадебный комплекс.

Нижнее Приангарье является одним из первых регионов русской колонизации Сибири, изначально заселявшихся выходцами с Русского Севера – из вологодских, устюжских, архангельских земель [Шерстобоев, 2001]. В настоящее время вопрос фиксации, определения степени сохранности и трансформации традиций их потомками приобретает особую актуальность вследствие физической утраты поселений в ходе экономических преобразований. Нижнее Приангарье занимает значительную часть Красноярского края, объединяя пять районов, расположенных в низовьях Ангары и среднего участка Енисея к северу и северо-востоку от Красноярска – Енисейский, Богучанский, Кежемский, Мотыгинский, Северо-Енисейский районы, города – Енисейск, Лесосибирск и Кодинск. Площадь территории превышает 200 тыс. кв. км. Здесь расположены значительные запасы полезных ископаемых, лесных и водных ресурсов. Вместе с тем регион

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00470а «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX – начало XXI в.») и Министерства образования и науки РФ: НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла».

© А. Ю. Майничева, Е. И. Глухих, 2013

характеризуется низкой степенью развития транспортной инфраструктуры (отсутствуют мосты через реки, ограничено автомобильное и железнодорожное сообщение, преобладают связи только водным путем и лишь в период навигации), а также значительным дефицитом электроэнергии. В настоящее время в целях решения социально-экономических проблем региона, ликвидации его дотационности, укрепления промышленного потенциала, освоения природных ресурсов реализуется проект, предусматривающий строительство каскада гидроэлектростанций. В результате часть территории по берегам Ангары будет затоплена, в том числе и места расселения старожилов-ангарцев – потомков носителей древней русской культуры, прибывших сюда в XVII в.

Особенности построек русского населения Приангарья уже становились предметом исследований ученых, но научные труды, посвященные указанной теме, крайне немногочисленны [Вагнер, 1956; Быт и искусство…, 1971]. Наряду с выявлением некоторых основных типов и форм построек, в стороне остались вопросы использования строительного инструментария, этапов строительных работ, типологии усадебных комплексов, интерьеров, духовной составляющей обрядового цикла, сопровождающего строительство. Кроме того, обследовались в основном регионы, приближенные к зоне затопления Илимской ГЭС. В 1988 г. были получены новые этнографические данные по поселениям Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края, попадавших в зону затопления Богучанской ГЭС. Они собраны сотрудниками лаборатории историко-архитектурного комплекса Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Материалы не были опубликованы и хранятся в виде отчетов в ИАЭТ СО РАН, ставшем правопреемником ИИФиФ. Темы обследования охватывали вопросы планировки усадеб, жилищ, хозяйственных построек, малых форм, декоративного убранства фасадов, особенностей культовых сооружений.

Для фиксации и оценки состояния архитектурных объектов, традиций домостроения в 2009–2012 гг. в Нижнем Приангарье (в том числе и в поселениях Кежемского р-на Красноярского края, подлежащих затоплению) работал Сибирский этнографический отряд (руководитель – д-р ист. наук А. Ю. Майничева). Часть работ по выселению деревень и очистки территории уже была проведена, поэтому здесь практически не осталось жителей, что затрудняло получение этнографических данных по опросам. Преобладающим методом исследования стало непосредственное наблюдение. Большая часть домов оставлена, вывезено все имущество, некоторые дома сожжены. Вместе с тем в удаленных от районного центра – г. Кодинск, и доступных преимущественно по воде деревнях работы по выселению людей велись не столь активно, поэтому было возможным получение полноценной этнографической информации. Данная статья посвящена итогам исследований по выявлению особенностей традиций в строительном деле русских старожилов-ангарцев.

Землепроходцы, вышедшие в 1630-х гг. к просторам Средне-Сибирского плоскогорья, точно оценили значение Ангаро-Илимо-Ленского междуречья: «Обосновавшись здесь, русские быстро унизали все речные пути Ангаро-Илимо-Ленского края цепочками деревень, разместив на стыках водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно 18–20 лет, создали здесь, за 5 000 верст от Родины, край с прочным земледелием» [Шерстобоев, 2001. С. 85]. Русские поселения были опорными точками торговых путей. Недаром старые поселения по Ангаре расположены на расстоянии «одного волока» – одного дня пути бурлаков, чтобы обеспечить им отдых и ночлег, о чем старожилам известно и сейчас [1].

В. Н. Шерстобоев писал: «…крестьянин сам или по указанию воеводы подыскивал угожее место, получал согласие воеводы и передвигался сюда с семьей, скотом, парой сошников, топором и косой. Где-нибудь на берегу реки или речки ставился двор, поднимался залог, подчищалась тайга, отгораживалась поскотина. Крестьянин … делал соху, бороны, заводил лодку и сети, стремясь в первый же год посеять хлеб, коноплю, завести огороды. …Так возникала деревня в составе одного – двух дворов, которая по имени посельщика получала и

[1] ПМА – Материалы Сибирского этнографического отряда под руководством д-ра ист. наук А. Ю. Майничевой; Кежемский р-н Красноярского края, 2009–2011 гг.

свое название. Если окрестные угодья позволяли поселиться другим крестьянам, то к возникшему двору приселялись новые дворы. Создавались двух- и трехдворные деревни, существовавшие так десятилетиями» [Шерстобоев, 2001. С. 259–269].

За непродолжительное время выше и ниже Братского острога появилась густая цепочка сел. В дневнике путешествовавшего по Сибири в 1675 г. Николая Спафария на небольшом отрезке в 80 км от Братска до Кежмы-Волоковой отмечено 13 деревень или заимок (большинство из них существовало и в 1950-е гг.). Это деревни Красная (Красный яр), Спасский монастырь, Васькина (Романово), Филиппово, заимка казака Исака Павлова (Исаково), деревня сына боярского Терентия Распутина (Распутино), Кириллово, Наратай, Кежма, Огородниково (Б. Мамырь), Кромилово, Софроново. В 1723 г. в Братско-острожной волости было 33 деревни и 1 272 человека русского населения (963 из них крестьяне) [Арсеньев, 1882].

После разведывания южного сухопутного пути и введения движения по Московскому (Иркутскому) тракту Приангарье начало терять свое важное транспортное значение. Однако и в дальнейшем богатые природные ресурсы продолжали обеспечивать немногочисленное русское население практически всем необходимым – пропитанием, материалами для одежды, обуви, домашнего обустройства, тем самым естественно способствуя, при ограниченности доступности края, консервации многих элементов старой культуры, принесенной первопоселенцами. В этом смысле Нижнее Приангарье представляет собой уникальный регион, где сохранены старые формы языка, орудий труда, лова рыбы и охоты, утвари, жилых и хозяйственных построек. Этнографическая фиксация их, и в первую очередь жилого и усадебного комплексов, не только позволяет выявить древние, уже утраченные в других регионах элементы материальной и духовной культуры, но и проанализировать адаптационный потенциал русского этноса в суровых природно-климатических условиях и ситуации изоляции от основного этнического массива.

В первых поселениях Нижнего Приангарья были семьи из одной или ограниченного круга фамилий. Такими они остались в своей основе в начале XX в. и много позже. Например, и сейчас в дер. Зайцево – большинство Зайцевых, в дер. Ярки – Безруких. Во многих поселениях проживают многочисленные близкородственные семьи Быковых, Вороновых, Журавлевых, Кокориных, Заборцевых, Лушниковых, Карнауховых, Смирновых, Павловых, Черных. Ряд фамилий, например, Зверьковы, Симоновы, Бортиковы, Деревянных, Савватеевы, Анкудиновы и др., составляют заметную долю в нескольких населенных пунктов. Народная память сохранила сведения о представителях девяти родов, осваивавших Нижнее Приангарье – Брюхановых, Рукосуевых, Безруких, Логиновых, Кулаковых, Колпаковых, Поповых, Карнауховых, Привалихиных [2]. Брюхановы и Рукосуевы считаются первыми засельниками берегов Ангары и ее притоков. И теперь Брюхановы – одна из наиболее распространенных местных фамилий. Так, Брюхановы основали Кежму и Аксеново. Климент Брюханов дал свое имя деревне Климино. Один из его шести сыновей основал в 22 верстах от отцовской деревни свою. Его звали Павел, так и деревня стала называться – Пашутино. Рукосуевы считаются основателями четырех поселений: Яркино, Коды, Чунояра, Малеево. Косолаповы и Брюхановы были первыми насельниками дер. Верхняя Кежма (Мозговой), Пановы – с. Паново, Сизых – дер. Селенгино, Усольцевы – дер. Усольцево, Колпаковы совместно с Рукосуевыми – дер. Проспихино (туда позднее переселились еще Поповы и Кузнецовы), Поповы и Верхотуровы – дер. Дворец. Поповы также основали дер. Пашино, Логиновы и Верхотуровы – дер. Рожково.

Предание рисует освоение таежных просторов как поступательное продвижение по рекам. По рассказам, поселения были основаны в XVII – начале XVIII в. расселяющимися семейными кланами, прибывшими из северорусских земель. Первой остановкой засельщиков на Ангаре стал район расположения будущего с. Кежма. Как сообщают, его название появилось после встречи с проживавшими невдалеке тунгусами (эвенками), которые на вопрос «как называется местность», отвечали «кешш-ма, кешш-ма». Название приехавшим понравилось, так и

[2] ПМА – Материалы Сибирского этнографического отряда под руководством д-ра ист. наук А. Ю. Майничевой; Кежемский р-н Красноярского края, 2009–2011 гг.

появилась Кежма [3]. Народная этимология дает свое оригинальное объяснение названию поселения, однако обращает на себя внимание форма названия – она сродни северорусским наименованиям поселений (Сежма, Колежма, Унежма), по большей части расположенных на Поморском берегу Белого моря.

По легенде, с Брюхановыми приехали Пановы, которые основали дер. Паново. Поехавшие дальше по Ангаре в районе впадения р. Проспиха основали деревни Проспихино и Недокурок. С юмором объясняются их названия – «*чуть было не проспали*» и «*расположено невдалеке, не успели докурить*». От семьи Брюхановых решили отделиться сын Аксен – так появилось Аксеново, Фрол – Фролово, Ярушка – Яркино.

В результате социальных преобразований советского времени состав населения претерпевал изменения, однако русские старожилы количественно устойчиво преобладали. Начало строительства Богучанской ГЭС инициировало приток новых жителей из многих регионов страны. В настоящее время в поселениях Нижнего Приангарья проживает старожильческое население, а также потомки переселенцев и спецпоселенцев советского времени (русские, украинцы, белорусы, немцы), строители каскада гидроэлектростанций разных национальностей.

В Нижнем Приангарье (в пределах Кежемского района) бытует общее название для всех жителей (в первую очередь русских старожилов) – кежмари (*муж.* кежмарь, *жен.* кежмарка). Старожилы называют себя «ангарцы», по проживанию на Ангаре, что соответствует северорусским принципам именования жителей – пинежане (р. Пинега), мезенцы (р. Мезень). Существует и устойчивое прозвище-экзоэтноним – мокчоны (*местн. диал.* «пескари»). Местные жители использовали пескарей как наживку для ловли крупной рыбы, откуда и пошло прозвание, обидное для них. В районе с. Богучаны старожильческое население прозвано бурундуками. К русским старожилам Сибири относят также кержаков (старообрядцев) и чалдонов (выходцев из района Усть-Илимска, по народной этимологии – «человек с Дона»). Вместе с тем говорят, что «чалдоны тоже сибиряки, но у нас на Ангаре чалдонов не было, они позже приехали» [4].

Размещение населенных пунктов показывает, что по рекам формировался гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не по одному, а группами – гнездами. Это также характерно для Русского Севера [Пермиловская, 2011]. Отмечается преобладание прибрежного (например, деревни Паново, Проспихино, Болтурино, Яркино, Климино, Чадобец, Заледеево, с. Кежма и др.) и островного (дер. Фролово и др.) размещения сел на Ангаре. Застройка, как правило, протяженная уличная двусторонняя, с преобладающей ориентацией дома на реку и на южную сторону горизонта. Поселения во многих случаях ограничены с одной стороны рекой, а с другой – сопками и тайгой. Для островного расположения деревень характерна также и свободная планировка.

В старожильческих поселениях в основном распространены покоеобразная и двухрядная планировки усадеб. Имеются и примеры усадеб с крытым двором, примыкающим к жилому дому, но сейчас это редкость, поскольку так возводились одни из самых ранних построек. Усадьбы, как правило, разделяются на передний (чистый) и задний (скотный) дворы. На переднем дворе (чистом) размещались дом, зимовьюшка, амбары, погреб, завозня, навесы для утвари («под крышей»), дровяник. На скотном дворе были «стайки», хлева, конюшни, пригоны, которые стояли по краю усадьбы и соединялись бревенчатым заплотом. По передней грани усадьбы заплот прерывался воротами, возле которого были одна или две калитки. Пригон (скотный двор) помещался в дальней от улицы части усадьбы. В таком случае делались еще одни ворота на улицу для скота. Хозяйственные постройки занимали большую часть усадьбы. Пригоны примыкали вплотную к дому, амбары обычно стояли напротив домов или сразу за усадьбами. Иногда их размещали в стороне от селения, формируя группы или улицы амбаров либо один большой «магазин». За селением вблизи реки ставились бани «почерному» для нескольких семей. Иногда их

[3] ПМА – Материалы Сибирского этнографического отряда под руководством д-ра ист. наук А. Ю. Майничевой; Кежемский р-н Красноярского края, 2009–2011 гг.

[4] Там же.

устанавливали за дворами в огороде. Отмечено более позднее размещение бань на чистом дворе.

Практически вся территория усадьбы ограничивалась постройками, лишь в некоторых местах (как правило, по улице) появлялся бревенчатый или дощатый заплот. Ворота с калиткой выходили на улицу и соединяли расположенные вдоль улицы дом и зимовье. Чистый двор мостили досками. В силу удаленности от возможностей внешнего снабжения и необходимости ведения большого хозяйства для содержания семьи, количество хозяйственных построек велико, однако по улице протяженность усадебного участка незначительна, да и сама усадьба компактна, что экономит землю под постройки. Наибольший участок отводился под огород.

В наиболее выгодном положении оказывались усадьбы, расположенные вдоль реки и сопок, поэтому деревни имели одну-три протяженные улицы, соединенные несколькими переулками – ведущими к реке. Поскольку в жизни ангарцев большую роль играла река, рядом с оградой усадьбы отводилось место для лодки, на берегу находились сараи со снастями.

Жилые дома представлены преимущественно четырех- и пятистенками. Самым распространенным типом жилья является последний. Таковы избы из деревень Ярки и Каменки. Шестистенки в форме четырехкамерных домов встречаются крайне редко, например в дер. Иркинеева Богучанского р-на. Хозяйка дома А. А. Скурихина назвала его возраст – начало XIX в. Сруб дома сосновый, в углах установлены деревянные «стулья». Сохранилось несколько домов «со связью» с тремя жилыми комнатами. Дом «глаголем», тип которого известен на Русском Севере, находится в дер. Пинчуга – принадлежал купцу П. В. Толстых. Он стоит в комплексе с большими двухэтажными амбарами. Кровли домов обычно делали вальмовые, двускатные на самцах, а также с дощатым фронтоном. По рассказам, ангарцы строили дома под двускатной крышей, чалдоны – под четырехскатной.

В деревнях Паново, Кежма, Проспихино до затопления территорий сохранялись дома, построенные в конце XIX – начале XX в. В дер. Паново (ул. Партизанская, 14) находился дом-четырехстенок, имевший прирубом хозяйственный двор, ныне разрушенный. Это позволяет отнести его к типу «дом брусом». Южный фасад дома выходит в переулок. Вход в него находится со двора. К сеням с дворовой стороны приделано крыльцо из тесаных полубревен с навесом на столбах, крытое тесом. Фундаменты дома – свайные (деревянные «стулья»). Стены рублены из сосновых бревен диаметром 28–32 см, вязка углов «в обло с остатком». Пазы срубов проконопачены мхом. Внутренняя поверхность стен избы стесана без закругления углов, стены оштукатурены и забелены известью. Полы в доме сделаны из плах в полбревна, уложенных по балкам, и крашены коричневой масляной краской. Перекрытие избы выполнено из полубревен с четвертью по матицам с утеплением земляной засыпкой. Потолки побелены известью. Перекрытие над сенями выполнено из полубревен без земляной засыпки, с опиранием на наружные стены и среднюю балку. Потолок сеней подшит листами сухой штукатурки. Кровля двускатная «самцовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. Слеги кровли избы выполнены из обтесанных полубревен, а слеги кровли сеней – из кругляка диаметром 22–24 см. Дом освещается тремя окнами, расположенными на южном (уличном) фасаде, и тремя, находящимися на западном фасаде. Внутреннее пространство разделено на три помещения перегородками от печи. Перегородки каркасные с заполнением фигарейными филенками (объемным накладными филенками непостоянного сечения). Беленая известью глинобитная печь русского типа имеет полностью сохранившееся припечное деревянное оборудование с кутной заборкой. Вокруг печи образован проход, в нем, у северной стены, находится лаз в подполье. Декоративное убранство дома представлено оформлением шести уличных окон, наличниками с элементами пропильной резьбы и ставнями с односторонней фигарейной филенкой. Подзор карниза восточного фасада украшен резными причелинами, состоящими из двух досок с напуском. Нижняя доска порезана прямоугольной зубчатой ступенькой, а верхняя – треугольным зубом и профилирована в плоскости. Дверные полотна держатся на кованых навесах. Часть дома осела, так как сгнили нижние венцы. Подобный тип жилья имеет распространение на Русском Севере [Пермиловская, 2011. С. 296].

Еще один типичный дом, рубленный из кондовой лиственницы, под двускатной крышей, стоял в дер. Паново по ул. Комсомольская, 20. Он сохранился в основном в неизменном состоянии с момента постройки в начале XX в. Южным фасадом дом-пятистенник выходил на дорогу и Ангару, а северным во двор. В плане постройка представляла собой прямоугольник, размеры которого соответствуют длине «ходового» бревна (5–8 м). С северной стороны к ней были прирублены сени без крыльца. Стены сеней и избы гладко отесаны. Изнутри жилая часть оштукатурена и побелена известью. Полы были сделаны из плах в полбревна, уложенных по балкам. За печью находился лаз в подполье. Перекрытие выполнено из полубревен с четвертью по матицам с утеплением земляной засыпкой. Над сенями – перекрытие из полубревен без земляной засыпки, которое опиралось на наружные стены и среднюю балку. Дом освещался четырьмя окнами, расположенными на южном уличном фасаде, двумя – на западном фасаде и двумя – на восточном. Ворота, ведущие в усадьбу, двустворчатые, с калиткой, симметричной композиции и перекрыты двускатной крышей. Столбы ворот выполнены из цельных бревен диаметром до 38 см; в рабочей зоне сечение столбов – прямоугольное с четвертями. Одноэтажный двухкамерный амбар-пятистенок располагался в глубине усадьбы. Его конструктивными особенностями являлись залобник, галерея на резных столбах, двускатная тесовая кровля по слегам. В амбаре находился вход в ледник. Фундаменты амбара – свайные (деревянные «стулья»). Перекрытие выполнено в полбревна с четвертью, без засыпки. Полы сделаны из плах в полбревна с четвертью. Кровля амбара двускатная, из дранья по слегам с охлупнем. В амбар ведет деревянная щитовая дверь на шпонках из плах с четвертью. Навесы, ручка и замковые петли кованые.

На примере еще одного дома-пятистенка, который был расположен в центре дер. Паново, можно проследить направления некоторых трансформаций в конструкциях и формах жилищ. Например, утрачен охлупень крыши при перестройке кровли из двускатной в четырехскатную. Тесовая кровля накрыта асбестоцементным волнистым листом. В остальном дом и усадьба сохраняют традиционные черты. Главный фасад выходил на улицу, ворота были двустворчатыми с калиткой. Вход в избу – через сени со двора. Деревянное крыльцо имело навес на столбах. Стены дома рублены из леса хвойных пород диаметром бревен 30–35 см, вязка углов – «в обло с остатком», составлявшим 27–30 см. Пазы бревен сруба проконопачены мхом. В доме десять окон, которые оформлены наличниками с пропильной резьбой.

Застройка с. Кежма претерпела значительные изменения, так как село было районным центром. Здесь быстрее, чем в отдаленных селах, появлялись новые строительные материалы, технологии и инструменты. Интенсивный приток нового населения также способствовал изменениям в строительном деле. Однако и там сохранялись отдельные традиционные старожильческие постройки. В центре с. Кежма располагался один из таких домов (ул. Гагарина, 42). Как и было принято, южным фасадом он был ориентирован на дорогу и на Ангару. Со стороны двора находился вход в дом. Он шел через сени, имевшие крыльцо, сделанное из полубревен, тесовый навес которого покоился на столбах. Основание дома – деревянные «стулья». Стены были рублены из леса хвойных пород диаметром бревна 28–32 см, вязка углов «в обло с остатком» в 23–28 см. Венцы сруба жилой части составляли единое целое с сенями (жилая часть и сени связывались балкой-затяжкой, проходящей по второму и третьему сверху венцам). Нижние венцы заглублены в землю. Пазы между бревнами срубов проконопачены мхом. Внутренняя поверхность стен жилой части стесана полностью, а у стен сеней имеются закругления углов. Изнутри стены оштукатурены и забелены известью. Для проветривания подпольного пространства имеются продухи. Полы в доме сделаны из плах в полбревна, уложенных по балкам, и окрашены коричневой масляной краской. Перекрытие дома выполнено из полубревен с четвертью по балкам-матицам с утеплением земляной засыпкой. Потолки побелены известью. Перекрытие над сенями выполнено из полубревен без земляной засыпки, с опиранием на наружные стены и среднюю балку. Кровля двускатная «самцовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. Часть тесовых плах над избой и сенями была сделана из полубревен с затеской к концам и в середине.

Слеги кровли избы выполнены из обтесанных полубревен, а слеги кровли сеней – из кругляка диаметром 22–24 см. Дом освещали три окна, располагавшиеся на восточном фасаде, и два, находившиеся на северном уличном фасаде. На южном дворовом фасаде было прорублено окно в кухню. В сенях размещено одно небольшое оконце. Пять уличных окон украшены наличниками с элементами пропильной резьбы и ставнями с односторонней фигарейной филенкой. Изнутри окна уличного фасада и двери оформлены фигурной лобовой доской. В центре избы находится печь, выложенная из кирпича прямо на половых плахах. Перегородки, идущие от печи, делили внутреннее пространство дома на три части. Первоначально перегородка за печью отсутствовала, и вокруг печи был проход, где располагался спуск в подполье. Конструкция перегородок – каркасы с заполнением фигарейными филенками. Перед уличным фасадом разбит палисадник, огороженный штакетником. Дверные полотна закреплены на кованых навесах, состояние удовлетворительное. К дворовому южному фасаду с развитием на восток пристроен сарай, что позволяет отнести дом к типу «глаголь».

В принципах строительства изб наблюдались традиции Русского Севера – высокий подклет, характер расположения печей, увеличение площади избы за счет пристройки дополнительных срубов [Пермиловская, 2011. С. 296]. К домам, как правило, пристраивали дощатые сени, и лишь в самых старых можно увидеть прирубленные бревенчатые сени. Основными помещениями являлись сени, кладовка, кухня, спальня, зал или комната. Пространство дома могло разделяться дощатыми перегородками. В спальнях было одно окно, а в зале (комнате), имевшем две стены на улицу и на чистый двор, окон было много – по два-три в каждой стене. Нередко окна имели полуциркульное завершение и внутренние фигурные наличники. Снаружи окна также были обрамлены нарядными наличниками, имели ставни. Встречается глубинная резьба в форме ракушки или полусолнца, однако в большинстве случаев фасады украшала пропильная резьба. В самых старых избах на окна установлены одностворчатые ставни, крепящиеся на жиковинах. Полотнища ставен выполнены из двух широких досок, связанных врезными деревянными шпонками. Для украшения дома хозяин мог обращаться к мастеру-резчику по дереву, но чаще мастерил самостоятельно. Богато украшены резьбой дома в дер. Зайцево. Оригинальная резьба наличников в дер. Кулаково. В деревнях Ярки, Иркинеево, Каменка встречалась более древняя геометрическая резьба. В дер. Рыбное стоял дом купца-золотопромышленника. По легенде, он выписал себе плотника-итальянца, который сделал ему резьбу ворот, карниза, наличников. Окна были украшены резьбой не только снаружи, но и внутри.

Рядом с окнами делали небольшое отверстие для вентиляции, которое можно было при необходимости затыкать. Окна стеклили, иногда «самолитыми стеклами». В них устанавливалась одна рама, позже две. Внутреннюю глухую раму на лето снимали, а внешнюю можно было открывать. Обычно печи располагали в центре дома, разделяя его на части с помощью перегородок или без них. Помещение рядом с печью отводилось под кухню, напротив устья печи располагался «красный угол» с иконой, как правило, украшенной рушником (в дер. Чадобец «красный угол» носил название «подсветка» или «подцветка», что помнят только самые старые жители). Место рядом с печью называли «куть». Устьем (местн. «цалом», «чалом») печь обращали к окну.

При возведении дома хозяева созывали «помощь», подмогу в лице родственников и соседей. При достаточном обеспечении лесом все постройки делались деревянными. Дом традиционно строили из сосновых бревен, окладной венец и первых два-три венца делали из лиственницы. Древесину выбирали ровную. Заготовка бревен на постройку дома проходила в лесу, затем «лесину» (местн.) сплавляли по реке. Лес рубили весной до посевной, пока не начинались сельскохозяйственные работы, обычно на полнолуние, так как считалось, что все соки идут в дерево, которое крепнет. В новолуние («безлуние») соки идут в корень, поэтому для строительства такой лес не годится. Долгое время, до появления леспромхозов и организации работ по сбору смолы, дома ставили из смолистого неподсоченного леса. Первый венец часто клали прямо на землю, поскольку такое дерево устойчиво к гниению. В деревнях Чадобец, Заледеево, Климино было принято основание дома располагать на стояках (местн. «чурках»), т. е.

толстых метровых лиственничных стояках, которые вертикально вкапывали в землю. Затем на них укладывали бревна венцов. В самых хороших старых домах весь сруб (стопу) складывали из «моченого листвяка» – лиственницы, которую мочили в Ангаре в течение года для придания дереву прочности.

Венцы рубили «в чашу с остатком». Чаша располагалась в верхнем бревне. Под первый венец подкладывали монетки для обеспечения богатства в доме. Количество венцов стены зависело от толщины леса. Обычно высота сруба дома складывалась из 11–13 венцов диаметром 22–27 см. Между бревен помещали мох, который брали на болотах. Ряды венцов укладывали попеременно – комель, вершина, чтобы сруб был ровный. Это особенно заметно по выпускам – разница между диаметрами срезов составляет до 4 см. Для устойчивости одноэтажного дома бревна верхних венцов брали большего диаметра, чем нижних. Таким образом, нижние венцы придавливались значительным весом верхних бревен. В двухэтажных домах, напротив, верхний этаж складывался из более тонких бревен. Могли устраивать около нижних венцов завалинку. Когда устанавливали потолочную балку («матку»), под нее подкладывали монетку «для счастья, достатка».

В конце XIX – начале XX вв. печи в избах делали глинобитные с дымоходом, потом стали складывать из самодельных кирпичей. Были распространены печи русские хлебные, сейчас – преимущественно с плитой. Глинобитные печи били деревянными болтами в опалубке сами хозяева, которые иногда созывали помощь – «соберутся пять-шесть мужиков вместе, хозяин приготовит глину, и бьют». Рядом с печью делали лаз в подпол, в крышке люка – отверстие для кота. Зимой кур держали в подпечье в доме, при наступлении теплых дней выпускали во двор. Печь и потолок белили.

Для пола выбирали прямой лес с мелкими кольцами, бревна раскалывали по длине на две половины, нижнюю половину укладывали (местн. «улаживали») на пол, а верхнюю – на потолок. Пол не красили, а для чистоты скоблили специальными ножами-косарями. Позже стали покрывать олифой и масляной краской. Стены в домах обстругивали, белили известью, пазы замазывали глиной (росписей, как правило, не делали).

Набор строительных инструментов был разнообразен, позволяя практически каждому крестьянину самому выполнять строительные работы, начиная от валки леса и до отделки окон и дверей. В обязательном наборе были топоры, стружки, пазники, «напарии» (сверла), пилы. Для выполнения ряда работ могли приглашать специальных мастеров из своей или соседней деревни – для изготовления наличников, кладки печи. Распространена была и работа хозяина под руководством приглашенного мастера.

Новоселье праздновали застольем. Прежде чем зайти хозяевам, в дом пускали кота. Рассказы о домовом, которого могли называть «суседко», «соседко», «дедушка-со/у/седушка», распространены мало. Однако еще помнят, как старики рассказывали, что домовой живет за печью или на чердаке, он может ходить, шуметь. Это маленький мужичок. Его роль – следить за скотиной. Он может предсказывать будущее – в святки в банях гадали на богатого и бедного жениха. Если погладит оголенное заднее место холодной жесткой рукой – жених будет беден, если теплой мохнатой – то богат. Если на грудь наваливалась во сне тяжесть, то спрашивали «к худу ли к добру». На новоселье было принято говорить: «Дедушка-соседушка – пусти нас ночевать, ночку ночевать, да век вековать! Дедушка-соседушка! Ангелы-хранители! – охраните таких-то (по именам), чтобы колдунов отправляли в ад, чтобы грызли осину – снизу до вершины», или «Дедушка-соседушка! Пусти нас не ночевать, а всю жизнь коротать». Бытует представление о неудачном для дома месте.

Надворные хозяйственные постройки многочисленны. Зимовьюшка служит летней кухней, мастерской или баней. Там располагается печь, которую топят летом, чтобы не задействовать печь в доме. Зимовьюшку (зимовье, избушку) часто строили для престарелых родителей или больных родственников. Амбары, сеновалы, службы, пригоны, хлева («клевы») делались из бревен или дощатыми по возможностям хозяина. Часто в одной усадьбе сочетались постройки, сделанные в разной технике. Амбары были одно- или двухэтажными, с двускатной крышей. В двухэтажных амбарах нижний этаж назывался «дуплё». Он служил для хранения припасов, зерна. Там стоял ларь, разделенный на сусеки. На вто-

ром этаже хранили упряжь, предметы быта, одежду, шкуры. Одноэтажные амбары различны по назначению (зерновые, для инвентаря, для домашней утвари и т. д.), относятся к двум типам: одно- и двухкамерные. Обязательно в усадьбе стояла мастерская «под крышей» – навес для выполнения разнообразных хозяйственных работ. В стайках держали свиней, в хлевах коров. Конструкции кровель – самцовые, «по курицам и потокам» с покрытием тесом. Многие постройки сохранились без переделок, например, амбары в деревнях Ярки, Иркинеево, с. Кежма. В архитектурно-конструктивном решении надворных построек в наибольшей степени сохранились традиции русского деревянного зодчества.

Примером типичного двухэтажного амбара-пятистенка может служить постройка, находившаяся в с. Кежма, в усадьбе, построенной в начале XX в. в центре села (ул. Советская, 59). Фасадом усадьба ориентирована на юг с видом на Ангару. Амбар был расположен в углу усадьбы, своим южным фасадом выходя на улицу. Между амбаром и жилым домом находились ворота с калиткой. Основанием амбара служили деревянные «стулья». Стены первого этажа рублены из сосновых бревен диаметром 22–25 см. Вязка углов «в обло с остатком». Стены второго этажа выполнены из полубревен, обращенных плоской стороной внутрь. По второму этажу с западной стороны идет галерея с резными столбиками, поддерживавшими вынос кровли (залобника), и резными причелинами на южном фасаде. Полы галереи сделаны из полубревен. Внутренняя стена второго этажа амбара также сделана из полубревен. В камерах первого этажа располагались перегородки сусеков, врубленных в стены. Перекрытие первого этажа выполнено из плах толщиной 8–10 см, опертых на наружные стены и балку по центру помещения. Полы первого этажа сделаны из полубревен. Кровля двускатная, «самцовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. В северном отсеке первого этажа находился люк в ледник. Скобяные изделия кованые.

Одноэтажный двухкамерный амбар-пятистенок с ледником находился в усадьбе по ул. Гагарина, 188 в с. Кежма. Построен в начале XX в. Располагался в глубине усадьбы, с разворотом своего главного фасада на восточную сторону. Основанием амбара служили деревянные стойки – «стулья». Стены были рублены из сосновых бревен диаметром 20–22 см, вязка углов «в обло с остатком». Внутренняя плоскость венцов выполнена с подтесом от углов. Перекрытие – в полбревна с четвертью, без засыпки на чердаке. Полы сделаны из плах в полбревна с четвертью. Кровля двускатная, «самцовая» из дранья по слегам, с охлупнем. Декоративное убранство амбара представлено двумя резными столбами, которые поддерживают вынос кровли (залобник) на главном фасаде и лобовыми досками подзора (причелинами) с пропильной резьбой на южном фасаде. Дверь в амбар – деревянная, щитовая на шпонках из плах с четвертью. Навесы, ручка и петли замковые кованые.

Таким образом, в системе расселения Нижнего Приангарья, сохранившейся до современности, расширение зоны освоения территории шло за счет имевших северорусские корни близкородственных групп, которые отселялись в новые места. Расположение поселений было гнездовым прибрежным и островным, традиционными для Русского Севера. Жители сел из числа старожильческого населения (ангарцев-кежмарей) осознают свою идентичность как русские, объединенные проживанием на Ангаре и многовековыми родственными связями. Вследствие отдаленности и трудной доступности многих районов Приангарья в культуре русских ангарцев в большой степени были законсервированы традиции домостроения, принесенные из мест выхода. Вместе с тем в традициях возведения зданий, типах домов, хозяйственных постройках наблюдаются как северорусские традиции, так и элементы традиций других территорий, а также модернизационных процессов. Фактически перед нами предстает яркий пример одного из реализованных вариантов развития северорусских традиций в условиях Сибири.

Список литературы

Арсеньев Ю. В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1882. Т. 10, вып. 1. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spapharij/vved.phtml?id=1753 (дата обращения 10.11.2012).

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. Ч. 1: Приангарье. 232 с.

Вагнер Г. К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // СЭ. 1956. № 3. С. 53–68.

Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 1, № 2. С. 291–297.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: В 2 т. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 2001. Т. 1. 598 с.

Список информаторов

(все из населенных пунктов
Кежемского р-на Красноярского края)

Абгольц (Сидорова) В. А., 1946 г. р. дер. Болтурино

Брюханова Г. Г., 1952 г. р., г. Кодинск

Быкова Н. И., 1943 г. р., дер. Проспихино

Каменский И. И., 1950 г. р., дер. Проспихино

Кирюхин В. И., 1950 г. р., дер. Проспихино

Колпакова С. В., 1964 г. р., дер. Климино

Кревин Н. И., 1931 г. р., дер. Паново (сейчас проживает в г. Кодинск)

Кулаков И. Д., 1938 г. р., дер. Чадобец

Кулаков Н. В., 1941 г. р., дер. Чадобец

Локтионова (Сокольникова) В. С., 1936 г. р., дер. Проспихино (сейчас проживает в г. Кодинск)

Митиненко М. Г., 1952 г. р., дер. Климино

Округина (Карнаухова) В. П., 1951 г. р., с. Фролово

Олеш (Черноусова) В. И., 1961 г. р. дер. Болтурино

Панова (Макарова) А. П., 1952 г. р., с. Кежма (сейчас проживает в г. Кодинск)

Рукосуева (Изовских) Н. Г., 1917 г. р., дер. Климино

Страшникова (Ведунова) В. В., 1942 г. р., дер. Чадобец

Страшникова (Кулакова) Е. В., 1935 г. р., дер. Чадобец

Материал поступил в редколлегию 10.12.2012

A. Yu. Mainicheva, E. I. Glukhikh

FEATURES OF SETTLEMENT SYSTEM IN LOWER ANGARA REGION AND TRADITIONS OF RUSSIAN NORTH IN BUILDING INDUSTRY OF RUSSIAN OLD RESIDENTS

The article is devoted to the research results of the Siberian ethnographic detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS to identify the features of building business of Russian old residents in the Lower Angara, which is one of the first regions of the Russian colonization of Siberia, originally populated by the people from the Russian North. The question of fixing and determining the degree of preservation and transformation of the traditions of their descendants is of particular relevance due to physical loss of settlements in the area due to economic reforms. System of settling of the Russians in Lower Angara region survived to the present. The expansion of land development went through closely groups with North Russian roots who resettled in new places. Location of settlements was nesting coastal and island, traditional for the Russian North. Villagers from the old residents («angarty-kezhmary») are aware of their identity as a Russian, combined living on the Angara River and ancient family ties. Due to the remoteness and difficult access to many areas in the culture of the Russian Angara residents largely conserve the tradition of house building, brought from landfall. However, in the tradition of erecting buildings, types of houses, farm buildings seen as North Russian traditions, elements of the traditions of other areas, as well as the modernization process are observed. Building industry is a prime example of the implemented version of North Russian traditions in Siberia.

Keywords: Russian Siberians, Lower Angara region, building, tradition of building construction, Russian North, housing and estate complex.